

Япония движется к катастрофе

I. Миф непобедимости

У правящих классов Японии несомненно кружится голова. Из неслыханных внутренних затруднений они ищут выхода в политике внешних захватов, угроз и насилий. И все удается им. Международные трактаты поруганы. Под видом создания независимого государства аннексирована гигантская страна. Лига Наций накапливает никому не нужные протоколы. Америка осторожно отмалчивается. Советский Союз идет на уступки. Выходит, действительно, что Япония непобедима и что ее властители призваны господствовать не только над азиатским материком, но и над всем миром. Так ли однако?

Менее четырех десятилетий тому назад маленькая островная страна нанесла поражение китайскому гиганту на суше и на море. Весь мир восторженно встрепенулся. Через 14 дней после подписания Симоносекского мира знаменитый немецкий географ Рихтогофен писал, что Япония завоевала "равноправие" и поднялась в ранг великих держав. Спустя десять лет совершилось еще большее чудо: Япония разбила на голову царскую Россию. Такой результат предвидели немногие, к числу которых и принадлежали, прежде всего, русские революционеры; но кто интересовался в то время их голосом? Чем неожиданнее для цивилизованного человечества явилась победа Японии над двумя соседями, совокупное население которых в десять раз превосходило ее собственное, тем выше поднялся престиж островной империи.

Участие Японии в мировой войне свелось к полицейским операциям большого стиля, на Дальнем Востоке, отчасти в Средиземном море. Но самый факт принадлежности к лагерю победителей и связанная с этим крупная добыча, не могли не поднять еще выше национальное самочувствие правящих классов

Японии. "Двадцать одно" требование Китаю в начале войны - всего лишь через 15 лет после того, как Япония сама освободилась от унижительных договоров, окончательно обнажило челюсти японского империализма.

Меморандум генерала Танака (1927 г.) дал законченную программу, в которой национальные амбиции перерастают в самую головокружительную мегаломанию. Поразительный документ! Официальные опровержения ни на йоту не ослабили его убедительной силы: такого текста подделать нельзя. Во всяком случае японская политика последних двух лет является неопровержимым свидетельством аутентичности доклада.

Завоевание Манчжурии было обеспечено при помощи авиации и бомб, сравнительно ничтожными силами; в несколько приемов японцы сосредоточили в Манчжурии какие-нибудь 4 - 5 дивизий, вряд ли многим больше 50.000 человек. Операция больше походила на военную игру, чем на войну. Но тем больше "чести" токийскому генеральному штабу!

И однако же военная непобедимость Японии есть благочестивый миф, который приносит, правда, вполне реальные плоды, но должен в конце концов разбиться о действительность. Япония до сих пор ни разу не имела случая помериться силами с передовыми нациями. Успехи Японии, как ни блистательны они были сами по себе, являлись плодом перевеса отсталости над еще большей отсталостью. Принцип относительности всесилен и в военном деле. Империя царей тоже некогда шла от успеха к успеху: из захолустного московского княжества она превратилась в величайшее государство, растянувшееся через два континента, от Атлантического океана до Великого. Царское воинство также объявлялось во всех учебниках непобедимым. В действительности же, старая Россия, опиравшаяся на полу-крепостного крестьянина, одерживала самостоятельные победы только над варварскими племенами центральной Азии и Кавказа и над внутренне-распадавшимися государствами, как шляхетская Польша и султанская Турция. Вообще же, начиная с великой французской революции, царская армия представляла собой рыхлое и тяжеловесное бессилие. Правда, между 1907 и 1914 г.г. армия и флот, при активном содействии патриотических государственных дум, были серьезно реформированы и укреплены. Однако мировая война вместе с проверкой принесла горькое разочарование: русская армия знала тактические успехи лишь постольку, поскольку на нее работали центробежные силы Австро-Венгрии; но в общем масштабе войны она снова обнаружила полную свою несостоятельность.

Сравнительные коэффициенты силы армий исходят в каждом отдельном случае не из каких либо неизменных свойств "расы", а комбинируют живые социальные и исторические элементы: состояние естественных ресурсов страны, уровень ее экономического развития, взаимоотношение классов, внутренние качества самой армии, ее солдатского материала, ее офицерского корпуса, ее вооружения, ее командования. Если прибегнуть, под этим углом зрения, к языку цифр, - конечно,

лишь для иллюстрации мысли, без претензий на точное измерение, - можно сказать: русская армия 1914 года относилась по своим боевым качествам, к русской армии 1904 - 1905 г.г., по крайней мере, как три к одному, что не мешало ей относиться к немецкой армии, примерно, как один к трем. Если японская армия превосходила царскую армию начала столетия в два-три раза, это не мешает ей во столько же раз уступать ныне вооруженным силам передовых стран.

Япония сделала, бесспорно, со времени войны с Россией достаточные экономические и культурные успехи, чтобы поддерживать свое вооружение на уровне мировой техники. Но сам по себе этот критерий чрезвычайно обманчив. Действительная вооруженность армии определяется не тем оружием, которое фигурирует на парадах, и даже не тем, которое хранится на складах, а тем которое заложено в производительном могуществе национальной индустрии. Если за годы войны японская промышленность чрезвычайно поднялась то лишь затем, чтобы с наступлением послевоенных кризисов откатиться далеко назад. Японский милитаризм пытается жить иллюзиями периода военного подъема, игнорирует расстройство хозяйства и пожирает половину бюджета. Взаимоотношения между милитаризмом и народным хозяйством Японии, с одной стороны, между ее промышленностью и промышленностью ее возможных врагов, с другой, дают если не решающие, то исключительно важные показатели относительно шансов сторон в будущей войне. И эти показатели для Японии крайне неблагоприятны.

По докладу Танака, как и по логике вещей, перед империей Микадо на очереди две войны: против Советского Союза и против Соединенных Штатов. Ареной одной является самый могучий из континентов, ареной другой - самый могучий из океанов. Обе войны предполагают операции грандиозных пространств и следовательно длительных сроков. Но чем более затяжной характер имеет война, тем больший перевес получает вооруженный народ над постоянной армией, промышленностью в целом - над арсеналами и военными заводами, основные факты экономики и культуры - над стратегическими комбинациями.

Национальный доход Японии, по расчету на душу населения, всего 175 иен, в несколько раз ниже европейского, не говоря уже об американском и, по меньшей мере на одну треть ниже, чем в СССР. Японская промышленность является по преимуществу легкой, т.-е. отсталой: текстильщики составляет свыше 51% общего числа рабочих, тогда как металлургия и машиностроение дают вместе лишь 19%. Соединенные Штаты потребляют 260 кило стали на человека. Западно-европейские страны - 111 кило, Советский Союз свыше 35 кило, Япония - менее 29 кило. Между тем современная война есть война металла. Пусть Манчжурия открывает перед японской промышленностью большие перспективы. Но для больших перспектив нужны большие капиталы и большие сроки. Мы же исходим из того, что есть сегодня и чего нельзя радикально изменить в течение ближайших лет.

Воюют, однако, не машины, а люди. Все данные свидетельствуют, что с человеческим материалом дело обстоит не многим лучше, чем с материальными факторами.

Построенная целиком по старому прусскому образцу, японская армия несет в себе в преувеличенном виде все внутренние пороки старой гогенцоллернской армии, далеко не имея ее достоинств. Еще Бисмарк говорил, что можно скопировать прусские военные регламенты, но нельзя подделать прусского лейтенанта. Еще труднее подделать прусского солдата.

Крайне низкий уровень народных масс не проходит безнаказанно и для милитаризма. Япония - страна чехотки и всяких видов телесного худосочия. Смертность в ней выше, чем во всех других передовых странах и притом возрастает из года в год. Нынешняя война требует не одной лишь готовности умирать массами, но прежде всего личной выдержки, спортивной сноровки, устойчивых нервов. Те качества, которые дали японцам победу над китайцами и русскими, были добродетелями старой Японии: новая централизованная организация превращала феодальную покорность в военную дисциплину. Таких качеств, как индивидуальная инициатива, находчивость, способность принимать решения за собственный страх у японской армии нет, и им неоткуда было взяться. Феодально-милитаристский режим не мог способствовать развитию личности. Не только угнетенная и нищая деревня, но и японская промышленность, преимущественно текстильная, с преобладанием женского и детского труда, неспособна выдвинуть квалифицированных солдат, стоящих на уровне современной техники. Большая война неизбежно покажет это.

Цель этого краткого анализа меньше всего состоит в том, чтобы подсказать кому-либо мысль о легкости войны с Японией, или о неразумности соглашения с ней. Крайне миролюбивую - моментами, может показаться, слишком уступчивую - политику Советского правительства в отношении Японии, мы считаем в основном правильной. Но вопрос о войне и мире зависит, по самому существу дела, от двух сторон, а не от одной. Мирная политика, как и воинственная, должна исходить из реального учета сил. Между тем гипноз мнимой японской непобедимости успел стать крайне опасным фактором международных отношений. Так, в начале XX века дутая самоуверенность петербургской камарильи привела к военному столкновению. Настроения правящих кругов Японии чрезвычайно напоминают настроения царской бюрократии накануне русско-японской войны.

II. Война и революция

Японская эпоха преобразований, открывшаяся в 1868 г. - вскоре после эпохи реформ в России и гражданской войны в Соединенных Штатах - явилась рефлексом самосохранения господствующих классов и представляла собой не "буржуазную революцию", как выражаются некоторые историки, а

бюрократическую попытку откупиться от буржуазной революции. Даже запоздалой России, проходившей исторический курс Запада с большими сокращениями, понадобилось три столетия, чтобы от ликвидации феодальной разобщенности при Иване Грозном, через западничество Петра Великого, прийти к первым либеральным реформам Александра II. Так называемая эра императора Мэжди объединяет на протяжении нескольких десятилетий основные черты трех больших эпох развития России. При таком форсированном темпе не могло быть и речи о равномерности культурного развития во всех областях. Гонимая за практическими достижениями новейшей техники, особенно военной, Япония идеологически оставалась еще в глубоком средневековьи. Сочетание Эдиссона с Конфуцием налагает печать на всю японскую культуру.

Довольно обычные утверждения, будто японцы "по природе" способны только к подражанию, а не к самостоятельному творчеству, не заслуживают даже опровержения. Всякий запоздалый народ, как и всякий молодой ремесленник, писатель, художник, начинает с подражания: это есть форма учебы. Но сегодня подражательный эмпиризм во всяком случае характеризует все области умственной жизни Японии. Сила ее государственных людей в циничном реализме, при чрезвычайной бедности обобщенных идей. Но в этом и их слабость: им совершенно чуждо понимание законов, управляющих развитием современных наций, в том числе и их собственной. Программный документ Танака больше всего поражает сочетанием проницательности в отношении эмпирических элементов проблемы и слепоты в отношении исторической перспективы. Танака исходит из мнимого "завещания" императора Мэжди как священной программы завоеваний, и представляет себе дальнейшее развитие человечества в виде расширенной спирали японских захватов. В обоснование тех же целей генерал Араки пользуется моральными принципами шинтоизма религии микадо. Если люди такого духовного склада способны были в известных условиях добиться исключительных успехов, то они не менее способны ввергнуть страну в величайшую из катастроф.

Ни одна из современных наций не сформировалась без революции, даже ряда революций. Между тем нынешняя Япония не имеет за собой в прошлом ни религиозной реформации, ни эпохи просветительства, ни буржуазной революции, ни действительной школы демократии. Военная диктатура давала до известного времени молодому капитализму большие преимущества, обеспечивая единство во внешней политике и свирепую дисциплину внутри. Но сейчас могущественные пережитки феодализма стали страшным тормозом в развитии страны.

Закабаленность крестьянства не только сохранилась во всей своей неприкосновенности но и чудовищно обострилась под влиянием требований рынка и фиска. Арендаторы уплачивают помещикам ежегодно около 3/4 миллиарда иен. Чтобы правильно оценить эту сумму, достаточно сказать, что русское крестьянство, в 2 1/2 раза более многочисленное, уплачивало помещикам

менее полу миллиарда рублей, - и этой дани оказалось достаточно, чтоб побудить мужика совершить величайшую аграрную революцию.

Крепостнические нравы переносятся из сельского хозяйства в промышленность, с ее 11-ью - 12-ью часовым рабочим днем, казармами для рабочих, нищенской платой и их рабской зависимостью от работодателя. Несмотря на гидростанции и самолет, все общественные отношения пропитаны насквозь духом средневековья. Достаточно сказать, что в Японии сохранилась до сих пор каста париев!

Силою исторических обстоятельств японская буржуазия пришла к агрессивной внешней политике, прежде чем разрубила узел средневекового крепостничества. В этом главная опасность: здание милитаризма оказывается воздвигнуто над социальным вулканом.

В крушении царизма - советникам микадо следовало бы хорошо изучить, как это произошло, - огромную роль сыграли угнетенные национальности, составлявшие 53% населения старой России. Однородность коренной Японии была бы ее большим преимуществом, если б хозяйство и армия страны не находились в глубочайшей зависимости от Формозы, Кореи и Манчжурии. На 65 миллионов японцев приходится сейчас, считая и Манчжурию, почти 50 миллионов угнетенных корейцев и китайцев. Этот могучий резерв революции станет особенно опасным для режима в случае войны.

Стачки арендаторов, аграрный террор, стремление крестьян сомкнуться с рабочими - все это безошибочные предвестники революции. Нет недостатка и в других, менее ярких, но не менее убедительных симптомах. Недовольна интеллигенция, из которой вербуются чиновничество и офицерство. Нелегальные организации имеют разветвления во всех университетах и школах. Буржуазия возмущена военными, от которых, однако, зависит. Генералы огрызаются на своих капиталистических союзников. Все недовольны всеми.

Профессиональные офицеры, потомки или подражатели самураев, ищут связей с мятежным крестьянством под демагогическими лозунгами в духе немецкого национал-социализма. Но эти связи фальшивы и неустойчивы. Самураи хотят повернуть назад. Крестьяне стремятся к аграрному перевороту. В случае большой войны профессиональное офицерство будет оттеснено массой резервного и на спех импровизированного офицерства, из среды интеллигенции: отсюда и выйдут революционные вожди крестьянства и самой армии. Все, что сказано о сухопутных войсках, применимо и к флоту, но с еще более высоким показателем. В стальных коробках военных кораблей феодальные пережитки получают исключительную взрывчатую силу. Достаточно напомнить русские революции 1905 и 1917 г.г. и германскую революцию 1918 года!

Резюмируем. Экономически Япония слабее каждого из своих возможных противников в большой войне. Японская промышленность неспособна

обеспечить армию в несколько миллионов душ вооружением и боевыми припасами в течение нескольких лет. Японская финансовая система, не выдерживающая тяжести милитаризма мирного времени, потерпела бы полное крушение в самом начале большой войны. Японский солдат, в массе своей, не отвечает потребности новой техники и новой тактики. Население глубоко враждебно режиму. Завоевательные цели были бы неспособны сплотить расколотую нацию. Вместе с мобилизацией в армию влились бы сотни тысяч революционеров, или кандидатов в революционеры. Корея, Манчжурия и, за ее спиной, Китай обнаружили бы на деле свою непримиримую враждебность к японскому игу. Социальные ткани страны подорваны, скрепы расшатаны. В стальном корсете военной диктатуры официальная Япония кажется могущественной, но война беспощадно рассеяла бы этот миф.

Мы ничего не сказали о сравнительных качествах Красной армии: этот вопрос должен был бы составить тему самостоятельного рассмотрения. Но если даже, с явным нарушением пропорций в пользу Японии, допустить равенство материальных условий на обеих сторонах, то осталось бы глубокое различие моральных факторов. История рассказывает нам, как из военных поражений вырастают революции; но она же учит нас тому, как победоносные революции, пробуждая народ и закаляя его психику, сообщают ему огромную динамическую силу на полях сражения...

В интересах обоих народов и человеческой культуры в целом, мы желали бы, чтоб японские милитаристы не искушали судьбу.

.....

Лев Троцкий. Принкипо, 12-го июля 1933 г.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) N 38-39.